

В. В. ЯКОВЛЕВ
(Тюмень)

**ОЦЕНКИ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКОЙ
НАУКИ XVI–XVII СТОЛЕТИЙ
В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
70 – 80-х гг. XX в.**

Произведена реконструкция оценок западноевропейской науки XVI–XVII столетий в советской историографии 70 – 80-х гг. XX в. Установлено, что, несмотря на формальную приверженность доктринам формационного анализа, рядом ведущих советских историков науки и философов удалось дать плюралистические оценки западноевропейской науке XVI–XVII вв., которые вполне вписываются в современные тренды историко-научных и историко-философских исследований.

Ключевые слова: *западноевропейская наука XVI–XVII вв., научная революция XVI–XVII вв., советские историки науки, советские философы.*

Общераспространенным (и не лишенным основания) является суждение, согласно которому советская историография западноевропейской науки XVI–XVII вв. вследствие подчиненности парадигме формационного подхода к описанию историко-культурных и иных процессов отличалась излишним схематизмом. Справедливо считается также, что этот схематизм, помимо всего прочего, в наиболее полной мере отразился в стремлении советских историков науки и философии делать акцент на контрасте ранненовременной и средневековой науки*. Однако есть все основания утверждать, что по крайней мере в 70 – 80-е гг. XX в. в трудах некоторых ведущих представителей советской историографии западноевропейской науки XVI–XVII вв. формационный схематизм был сведен к минимуму. Актуальность статьи обусловлена потребностью в переосмыслении оценок западноевропейской науки XVI–XVII столетий в советской историографии 70 – 80-х гг. XX в.

Таким образом, предметом изучения в данной статье станут два комплекса идей, наиболее активно разрабатываемых советскими историками науки и философии в 70 – 80-е гг. XX в.: связанные с осмыслением 1) общего состояния западноевропейской науки XVI–XVII вв.; 2) сущности научной революции XVI–XVII вв.

*Стиль подобных рассуждений блестяще описан И.С. Дмитриевым [3, с. 24–25].

Исходя из вышеизложенного, цель статьи состоит в выявлении особенностей оценок западноевропейской науки XVI–XVII вв. в советской историографии 70 – 80-х гг. XX в. Задача заключается в проведении обзора упомянутых комплексов идей с использованием историко-типологического метода.

Приоритетное значение в статье приобретает объективация специфики обозначенных комплексов идей, принадлежащих советским исследователям рассматриваемого периода. Эта специфика проявлялась в очевидном стремлении ряда советских историков науки и философии 70 – 80-х гг. XX в. смягчить формационный схематизм при рассмотрении проблем западноевропейской науки XVI–XVII вв. Список советских специалистов, чьи идеи выбраны для анализа, конечно же, не является исчерпывающим, однако в него включены некоторые ведущие представители советской историографии 70–80-х гг. XX в., работавшие в рамках заявленной тематики. Этим исследователям объединяли, с одной стороны, априорная принадлежность к общей интеллектуальной традиции, воплощенной в формационном подходе к осмыслению историко-культурных процессов, а с другой – склонность к многовекторным, плюралистическим оценкам западноевропейской науки XVI–XVII вв. Настоящая статья продолжает наши историографические изыскания, начатые в работе об историко-научных идеях Л.М. Косаревой [6; 13].

Важный вклад в осмысление общего состояния западноевропейской науки XVI–XVII вв. внесли такие советские историки науки и философии 70 – 80-х гг. XX в., как В.С. Библер, Б.Г. Кузнецов, Н.В. Мотрошилова, В.С. Швырев, В.П. Филатов. В.С. Библер обратился к анализу «концепции человека» и «типа человечности», появившихся в XVII в. Предопределенные, по мнению Библера, еще во времена Возрождения, они наиболее полно воплотились «в естественнонаучной направленности мышления». Эта направленность, впрочем, в меньшей степени проявилась в «гуманитарном знании», в котором продолжали доминировать средневековые идеи о человеке. Концепция человека и тип человечности, возникшие в XVII в., как считал Библер, сводятся к следующим установкам: 1) «человек – ничто, способное стать всем»; 2) природный универсум – то, что является инородным применительно к человеку и его духовной сущности,

чужим (но не отчужденным), то, что человек способен освоить только поэтапно; 3) осваивая же этот универсум, «человек и становится всем» [1, с. 273].

В понимании Библера, в Средние века человеку полагалось везде распознавать собственный образ, везде фокусировать внимание на субъекте, правда, всемогущем и всеблагодом (что контрастировало с «индивидуальной» немощью и склонностью к злу). Одним словом, «идея причастия» фундировала средневековую концепцию человека. Новое время вызвало к жизни диаметрально противоположную идею – идею «непричастности», а также связанное с ней ощущение обнаженного, вызывающего варварства. Варварство переносилось «вовнутрь» и превращалось в необходимое определение «культурного человека». Теперь вначале следовало производить редукцию человека как «субъекта» культуры «до чистого ничто» [Там же, с. 274]. Библер пришел к выводу, что умению (культуре) приступать к действию «с ничто», культуре беспрестанного обнаружения «нецивилизованной природы (вовне и во мне)» было суждено в максимально полном объеме воплотиться в естественнонаучной рефлексии, а в самом этом умении раскрывается основа нововременной «концепции человека» [Там же, с. 276].

Б. Г. Кузнецов анализировал различные аспекты процесса перехода от науки Возрождения к науке Нового времени. Так, он констатировал, что за началом Нового времени стоит «закат Возрождения», а утренней заре «классической науки» предшествует вечерняя заря Возрождения. Кузнецов придавал этой смене вех статус необратимой эволюции, не сводимой к логическому ряду. Ибо с переходом от возрожденческих к нововременным нормам миропознания произошли переходы к новым формам преобразования мира, к новому типу производительных сил, производственных отношений, социальной надстройки [7, с. 228]. Первая половина XVII в., по убеждению Кузнецова, была отмечена тем, что у пока не окрепшего нового общественно-го строя уже имелась в арсенале отсутствовавшая в Средние века единая европейская система экономико-культурных отношений, ставших базисом «единого потока научных открытий и обобщений» [Там же, с. 229].

Не менее очевидна для Кузнецова была и связь возрожденческой и нововременной науки. Главное, что их объединяет, – «сквозные, инвариантные принципы», перешедшие в эпоху Нового времени как результат культурной

жизни Ренессанса, свойственного Возрождению «синтеза идеи и образа». И здесь Кузнецов вновь подчеркнул, что в этом переходе правильнее усматривать не логическую, а историческую трансформацию. Однако эпоха Возрождения являла собой такой период «эволюции познания», в течение которого новую картину мира нужно было обосновывать с помощью эстетических и эмоциональных критериев (так действовали Данте, итальянские натурфилософы XVI в. и даже Бруно). Тогда как в XVII в. у истины появился новый набор самостоятельных критериев – antecedентов того, что Эйнштейн впоследствии назвал внешним оправданием (экспериментальное доказательство) и внутренним совершенством (логико-математический вывод «из наиболее общих принципов») [7, с. 230].

Н.В. Мотрошилова анализировала роль «личностных ориентаций ученого» в процессе становления и формулирования в науке и философии XVII в. общественно важных «норм» научно-исследовательского труда. Она была уверена, что как раз в XVII в. эти нормы начинают по-новому с исторической точки зрения формироваться и формулироваться [9, с. 92]. По мнению Мотрошиловой, вообще объективным социальным изменениям суждено произойти лишь в том случае, если происходит коренная трансформация «личностного мира». В ракурсе же науки возникновение «нового социального типа» научно-исследовательского труда происходит одновременно или даже только следует за процессами преобразования личностного мира научного деятеля, «его ориентаций». Таким образом, люди знания не могли не улавливать социальные требования своего времени, обращенные к ним, и отвечали напряженной внутренней работой в соответствующих направлениях [Там же, с. 95].

В XVII в. плеяда гениев «нормативно-го поиска науки» была представлена выдающимися философами [Там же, с. 99]. Мотрошилова отмечала также, что общие научные принципы в XVI–XVII вв. формулировались в охранительном применительно к конъюнктуре религиозно-церковной жизни ключе. Это явствует из содержания многочисленных текстов (и, в частности, личных писем, в которых, казалось бы, авторы могли проявлять больше свободы в изложении своих суждений) [9, с. 102]. Мотрошилова считала, что одна из причин охранительного в церковном контексте и компромиссного характера общесоциальных норм науки в данном случае кроется в конкретно-исторических особенностях лич-

ностного мира научного деятеля XVI–XVII вв. В итоге же научная деятельность, ее результаты, несмотря на все новаторские достижения научно-философского знания, еще во многом подчинялись размышлениям теологического и схоластического толка [9, с. 102–103].

В.С. Швырев анализировал разного рода черты научного познания и науки Нового времени. Он полагал, что специфика нововременного научного знания порой истолковывается формализованно: дескать, на смену схоластическому логизированию и умозрению в эпоху Нового времени приходит непредвзятое изучение природы, проведение наблюдений, постановка экспериментов с их обобщением путем индукции. Между тем, подчеркнул Швырев, стремление опереться на опыт и наблюдение недопустимо рассматривать как прерогативу нововременной учености, ведь даже в Средние века предпочитали учитывать известную роль «опыта, наблюдения явлений природы» [11, с. 148].

Более того, ни коперниканский гелиоцентризм, ни галилеева механика, например, не были плодами простого обобщения «наблюдений», а возникли в качестве теорий с постулатами, противоречащими тому, что дано в наблюдении [Там же, с. 149]. Согласно рассуждениям Швырева, тот же Галилей обладал таким типом «исследовательского мышления», который недопустимо не отличать от интеллектуального созерцания «идеальных сущностей» или эмпирического наблюдения за природными явлениями. Этот тип мышления нацелен на рассмотрение идеальных научных объектов как технических конструкций со всеми вытекающими отсюда последствиями [Там же, с. 156]. Швырев подытожил, что Галилеем был заложен базис «нового типа научного познания», каким явилось экспериментально-математическое естествознание. А в формировании данного «типа науки» автор был склонен обнаруживать сущность произошедшей в Новое время научной революции. Правда, он отметил, что невозможно говорить о том, что этот тип познания мгновенно распространился во всем научном мышлении и начал доминировать в этом мышлении [11, с. 160].

В.П. Филатов анализировал социокультурные предпосылки и мировоззренческие идеи, способствовавшие формированию научного знания Нового времени. Одним из главных исторических факторов в этом смысле являлось, сообразно с размышлениями Филатова, существенное расширение «жизненного мира

людей XVI–XVII вв.» благодаря великим географическим открытиям [10, с. 55]. Это обусловило вызревание в человеческом сознании убеждения о наличии еще неоткрытых знаний. А значительное увеличение объема знаний, в свою очередь, служило лишним аргументом в пользу зарождавшейся идеи «прогресса», которая была чужда античному и средневековому мышлению. Как заявил Филатов, еще одно условие, обеспечившее становление «новой науки», заключалось в изменении отношения к техническому мастерству. В соответствии с аристотелевскими аксиомами, созданная человеческими руками вещь наделена исключительно вторичной формой [Там же, с. 56–58]. Теперь же созданной мастером вещи, к примеру машине, приписывали обладание «полноправной реальностью» [Там же, с. 58].

Филатов напомнил также, что в любом случае XVII в. прошел под знаком доминирования религии как духовного института, следовательно, резюмировал он, социальное признание наука не могла получить без теологической санкции. И таковую наука обрела посредством своих возникающих связей «с ремесленно-технической сферой» [Там же, с. 59]. Реформаторы, как правило, с осуждением относились к непродуктивным схоластическим диспутам, приравнивая их к деятельности, несовместимой с нормами христианства [Там же, с. 59–60]. Ставшее привычным противопоставление ученых и ремесленников сторонники протестантизма рассматривали как зло, препятствующее возобновлению господства в природном мире, будто бы утраченного человеком после изгнания из Рая. Филатов заключил, что новую картину мира формировали активные формы научного анализа, конструктивные понятийные и методологические средства, включающие всевозможное точное измерение и эксперимент [10, с. 61–62].

Значительную роль в осмыслении сущности научной революции XVI–XVII вв. сыграли такие советские историки науки и философии 70 – 80-х гг. XX в., как Б.Г. Кузнецов, М.М. Шульман, П.П. Гайденок, В.С. Кирсанов. В другой своей работе Б.Г. Кузнецов анализировал сущность и содержание этапов научной революции XVI–XVII вв. Согласно его рассуждениям, первый этап научной революции пришелся на эпоху Возрождения, точнее – на стадию Высокого Возрождения, представленного культурой XVI в. По существу, это было еще время перипатетической науки, пускай и претерпевавшей внутреннее преобра-

зование. Период Чинквеченто узнаваем и по так называемому аристотелевскому ренессансу, тогда же переживала фазу активного развития, осуществляла поиск новых аргументов аверроистская философия [8, с. 320]. Кузнецов был убежден как в существовании науки в эпоху Возрождения, так и в том, что научная революция имела место уже в XVI в. Просто ренессансная «система каузальных представлений о мире», фундаментальных логическим анализом и экспериментом, была сращена с моральными и эстетическими представлениями, а вербализировалась в основном «в натурфилософской форме».

Второй этап научной революции, согласно рассуждениям Кузнецова, приходится на конец XVI – начало XVII в. Это тот период, когда начала проявляться сильная «необратимость процесса познания». Например, получил четкую формулировку «принцип относительности Галилея–Ньютона». Третьему этапу научной революции (которую Кузнецов уподоблял гносеологическому феномену и ступени постижения Мироздания) суждено было воплотиться в картезианской физике. Четвертый же этап отразился в динамизме Ньютона. Общий гносеологический итог научной революции XVI–XVII вв., по мнению Кузнецова, заключался в формировании представления «о решающем значении эксперимента для постижения мира». При этом XVI–XVII вв. стали «продолжением» и возрожденческой, и проторенессансной культуры [Там же, с. 325].

М.М. Шульман анализировал комплекс культурно-исторических предпосылок «первой научной революции». Хронологически, по мысли Шульмана, она соответствовала периоду становления той научной отрасли, которую принято называть классическим естествознанием. Начало этого периода связывают с трудами Н. Коперника и др., а финал – с деятельностью Г.В. Лейбница и И. Ньютона [12, с. 269]. Так, предпосылкой упомянутой революции Шульман назвал «разложение корпоративных (сословных) отношений», свойственных Средневековью. Наряду с этим формировалась новая общественная потребность в таком видоизменении узуральных сведений (навыков), которое позволило бы использовать для них иной способ, иные каналы трансляции. Возможный же вектор видоизменения, согласно рассуждениям Шульмана, определялся наличием в европейской культурной традиции институтов «внеfamilialной социализации» и универсально-понятийного способа «трансляции социального

опыта», связанного с университетской системой [Там же, с. 271–272].

Шульман отметил, что одновременно с процессом разрушения средневековых – «традиционных» – практик приобретения ремесленного мастерства происходил жестокий кризис «институтов воспроизводства интеллектуальных кадров». Главным критиком университетского образования, в частности, стали выходцы из третьего сословия. Выступая с требованиями проведения реформ в образовании, они в том числе требовали преобразования сугубо закрытого математического знания в знание массовое [Там же, с. 273]. Шульман выразил уверенность в том, что не иначе как трансформация математического знания в массовое знание, замена арифметики (в принципе бесполезной в деле математического вывода «механических законов»), развиваемой в то время алгеброй, сделали возможной объективизацию «узуральных сведений в математизированной форме» [Там же, с. 273–274]. Однако в этих многогранных процессах университеты занимали уже периферийное положение [Там же, с. 274].

П.П. Гайденок анализировала культурно-историческую подоплеку научной революции XVII в. Гайденок соглашалась с тем фактом, что в XVI–XVII вв. подверглись переустройству важнейшие принципы, формирующие научное мышление [2, с. 5]. Впрочем, по ее мнению, и в воззрениях тех ученых, которые создавали новую науку, сплошь и рядом встречались еще традиционные научные представления. Гайденок не сомневалась в том, что, несмотря на всю значительность «перелома» в социальной жизни, сопровождавшего переход «от традиционного к капиталистическому обществу», этот перелом не мог прямо и непосредственно отразиться в научном познании [Там же, с. 5–7].

Лишь в период с конца XVI по XVII в. новые научные программы вытеснили античные. Однако это нельзя воспринимать исключительно как следствие трансформаций научного и философского мышления, относящихся к XIII–XIV вв. Гайденок считала, что нужно учитывать также и мировоззренческие сдвиги, произошедшие в XV–XVI вв. на фоне Ренессанса и Реформации, сыгравших решающую роль в изменении средневекового мировидения, подготовивших «нового человека и новое отношение к природе» [Там же, с. 8]. Именно поэтому сторонники распространенного утверждения, согласно которому нововремен-

ные ученые всего-навсего отказались от аристотелизма, отдав предпочтение платоновской научной программе, излишне упрощают суть происходивших процессов [2, с. 9]. Дело в том, что, как полагала Гайденко, XVII в. характеризуется наличием нового понятия науки, не похожего на античный и средневековый аналоги. В качестве его основы в XVII–XVIII вв. был положен тезис, гласящий, что *«все природные явления полностью подчинены механическим законам»* (курсив мой. – В.Я.) [Там же, с. 13].

В.С. Кирсанов анализировал трансформации понимания научной революции XVII в. в историографии XIX–XX вв. Кирсанов придерживался того убеждения, что научная революция XVII в. – очень сложное явление, поэтому при определении ее причины и содержания невозможно ограничиться перечислением результатов и достижений научного знания той эпохи. Общеизвестно также, что значительное число пресловутых «новых идей» выдвигалось в той или иной форме до периода научной революции, но так и не нашло в свое время отклика в ученом сообществе. Кирсанов констатировал далее, что в XIX в. доминировало однозначное понимание научной революции XVII в. Она приравнивалась к отказу от средневекового наследия и увязывалась с тем, что «воплощением идеала ученого» стали воспринимать инженера [5, с. 6–7].

В конце XIX–XX вв. произошла плюрализация толкования научной революции XVII в. По мнению Кирсанова, значительный вклад в изучение истории науки и научной революции XVII в. внесли П. Дюэм, А. Койре, А. Кромби, Л. Ольшки, А. Майер и др. Так, Дюэм вообще был одним из основоположников гипотезы об отсутствии каких бы то ни было революционных преобразований в науке XVII в. Койре же, наоборот, ставят в заслугу разработку четкой формулировки понятия научной революции XVII в., лаконичных определений ее черт. Кромби, Ольшки, Майер глубоко исследовали проблему преемственности в истории западноевропейской культуры и науки Средневековья, Возрождения и Нового времени [5, с. 7–10]. В целом, признавая вклад упомянутых и других авторов в изучение причин и сущности научной революции XVII в., главную слабость их подходов Кирсанов видел «в стремлении преодолеть метафоричность этого понятия». Сам же он предполагал, что адекватное и одновременно метафоричное определение научной революции XVII в. заключено в

понятии, согласно которому научная революция, по сути, являлась диалогом «с Природой» [Там же, с. 11].

Таким образом, проведенный обзор идей позволяет выявить следующие особенности оценок западноевропейской науки XVI–XVII вв. в советской историографии 70 – 80-х гг. XX в. Во-первых, осмысляя общее состояние западноевропейской науки XVI–XVII вв., перечисленные советские исследователи предпочитали обращаться к сюжетам, раскрывающим антропологическую и социокультурную переходность научного знания XVI–XVII вв. Во-вторых, осмысляя сущность научной революции XVI–XVII вв., названные советские специалисты стремились преподнести ее как закономерный итог тех глубинных трансформаций, которые происходили в возрожденческих и позднесредневековых науке и обществе.

В-третьих, все вышесказанное указывает на то, что оценки западноевропейской науки XVI–XVII столетий в трудах некоторых ведущих представителей соответствующей советской историографии 70 – 80-х гг. XX в. были подчинены идее социокультурной преемственности, существовавшей между Средневековьем и Новым временем. Так, с одной стороны, согласно рассуждениям упомянутых советских специалистов, научная жизнь XVI–XVII вв. была сопряжена с кардинальными изменениями в личностной, интеллектуальной и социально-политической плоскостях жизни людей, иными словами – с отречением от средневековых систем ценностей в самом широком понимании. С другой стороны, судя по их же оценкам, это отречение не сказывалось на наличии как необходимого континуитета между научными идеями Средневековья, Возрождения и Нового времени, так и все еще актуального религиозного контекста в деятельности и сочинениях ученых XVI–XVII вв.

В связи с этим можно отметить, что с концептуальной точки зрения проанализированные рассуждения советских историков науки и философии проистекают примерно из того же понимания общего состояния западноевропейских общества и культуры XVI–XVII вв., которое характерно, в частности, для современных сторонников теории раннего Нового времени. По замечанию О.В. Кима, они отстаивают идею наличия соответствующего буферного периода из-за желания «показать комплексный процесс исторической *эволюции*» (курсив мой. – В.Я.) [4, с. 121].

Литература

1. Библер В.С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М. : Политиздат, 1975.
2. Гайденко П.П. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.): формирование научных программ нового времени / отв. ред. И. Д. Рожанский. М. : Наука, 1987.
3. Дмитриев И. С. Социокультурные основания интеллектуальной революции XVI–XVII вв. // Политическая концептология. 2012. № 1. С. 20–58.
4. Ким О. В. Теория модернизации и переходные общества раннего Нового времени // Новая и новейшая история. 2011. № 2. С. 121–128.
5. Кирсанов В. С. Научная революция XVII века / отв. ред. П. П. Гайденко. М. : Наука, 1987.
6. Косарева Л.М. Социокультурный генезис науки Нового времени: философский аспект проблемы / отв. ред. Л. А. Микешина. М. : Наука, 1989.
7. Кузнецов Б.Г. Идеи и образы Возрождения: (наука XIV–XVI вв. в свете современной науки) / отв. ред. А. Х. Горфункель. М. : Наука, 1979.
8. Кузнецов Б.Г. Научная революция XVI–XVII вв. // Философия эпохи ранних буржуазных революций / редкол. Т.И. Ойзерман, В.М. Богуславский, Н.В. Мотрошилова [и др.]. М., 1983. Ч. 2. Разд. первый. Гл. II. С. 317–335.
9. Мотрошилова Н. В. Нормы науки и ориентации ученого // Идеалы и нормы научного исследования / ред.-сост. В.С. Стёпин. Минск, 1981. С. 91–119.
10. Филатов В.П. Научное познание и мир человека. М. : Политиздат, 1989.
11. Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М. : Политиздат, 1984.
12. Шульман М.М. Культурно-исторические предпосылки «первой научной революции» // Наука и культура : [сб. ст.] / отв. ред. В. Ж. Келле. М., 1984. С. 269–278.
13. Яковлев В.В. Л.М. Косарева о перипетиях генезиса механической картины мира XVII в. // Современные тенденции в образовании и науке : сб. науч. тр. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 31 окт. 2013 г.) : в 26 ч. Тамбов, 2013. Ч. 6. С. 158–160.

* * *

1. Bibler V.S. Myshlenie kak tvorchestvo (vvedenie v logiku myslennogo dialoga). M. : Politizdat, 1975.
2. Gaydenko P.P. Evolyutsiya ponyatiya nauki (XVII–XVIII vv.): formirovanie nauchnykh programm novogo vremeni / отв. ред. I. D. Rozhanskiy. M. : Nauka, 1987.
3. Dmitriev I. S. Sotsiokulturnye osnovaniya intellektualnoy revolyutsii XVI–XVII vv. // Politicheskaya kontseptologiya. 2012. № 1. S. 20–58.
4. Kim O. V. Teoriya modernizatsii i perehodnyie

obschestva rannego Novogo vremeni // Novaya i noveyshaya istoriya. 2011. № 2. S. 121–128.

5. Kirsanov V. S. Nauchnaya revolyutsiya XVII veka / отв. ред. P. P. Gaydenko. M. : Nauka, 1987.
6. Kosareva L.M. Sotsiokulturnyy genезis nauki Novogo vremeni: filosofskiy aspekt problemy / отв. ред. L. A. Mikeslina. M. : Nauka, 1989.
7. Kuznetsov B.G. Idei i obrazyi Vozrozhdeniya: (nauka XIV–XVI vv. v svete sovremennoy nauki) / отв. ред. A. H. Gorfunkel. M. : Nauka, 1979.
8. Kuznetsov B.G. Nauchnaya revolyutsiya XVI–XVII vv. // Filosofiya epohi rannih burzhuznyih revolyutsiy / redkol. T.I. Oyzerman, V.M. Boguslavskiy, N.V. Motroshilova [i dr.]. M., 1983. Ch. 2. Razd. pervyy. Gl. II. S. 317–335.
9. Motroshilova N. V. Normyi nauki i orientatsii uchenogo // Idealy i normyi nauchnogo issledovaniya / red.-sost. V.S. Stepin. Minsk, 1981. S. 91–119.
10. Filatov V.P. Nauchnoe poznanie i mir cheloveka. M. : Politizdat, 1989.
11. Shvyirev V.S. Nauchnoe poznanie kak deyatelnost. M. : Politizdat, 1984.
12. Shulman M.M. Kulturno-istoricheskie predposylki «pervoy nauchnoy revolyutsii» // Nauka i kultura : [sb. st.] / отв. ред. V. Zh. Kelle. M., 1984. S. 269–278.
13. Yakovlev V.V. L.M. Kosareva o peripetiyah genезisa mehanicheskoy kartiny mira XVII v. // Sovremennyye tendentsii v obrazovanii i nauke : sb. nauch. tr. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Tambov, 31 okt. 2013 g.) : v 26 ch. Tambov, 2013. Ch. 6. S. 158–160.

Assessment of West European science of the XVI–XVII centuries in the Soviet historiography of the 70–80s of the XX century

There is reconstructed the assessment of the West European science of the XVI–XVII centuries in the Soviet historiography of the 70–80s of the XX century. There is stated that in spite of the formal devotion to the doctrines of the formation analysis a number of Soviet science historians and philosophers managed to give the pluralistic assessments of the West European science of the XVI–XVII centuries which are within the modern trends of the historical and scientific, scientific and philosophic researches.

Key words: *West European science of the XVI–XVII centuries, scientific revolution of the XVI–XVII centuries, Soviet science historians, Soviet philosophers.*

(Статья поступила в редакцию 30.06.2014)